

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА

ИНТЕРВЬЮ С МИЛТОНОМ ЭЙЗЕНХАУЭРОМ

■

Доктор Милтон Эйзенхауэр, один из семи братьев Эйзенхауэров, был доверенным советником президента США Дуайта Эйзенхауэра. В политических и академических кругах США М. Эйзенхауэр пользовался большим и заслуженным авторитетом. В годы, предшествовавшие началу второй мировой войны, он являлся советником президента Франклина Д. Рузвельта по аграрным вопросам.

Вскоре после окончания войны, когда Дуайт Эйзенхауэр стал президентом одного из крупнейших университетов страны — Колумбийского, его профессора с радостью восприняли известие о том, что руководителем этого научного центра назначен Эйзенхауэр. Но когда через несколько дней они встретились с новым президентом, то многие были разочарованы, ибо думали, что речь идет о Милтоне Эйзенхауэре.

Дуайт Эйзенхауэр исключительно высоко оценивал вклад Милтона в деятельность своей администрации и заявлял, что если бы Милтон не был его братом, он занял бы одно из самых ответственных мест в правительстве. Дуайт Эйзенхауэр писал: «60 лет мы поддерживали самые теплые отношения. На протяжении всего периода двух моих администраций Милтон был моим постоянным советчиком, доверенным лицом, временами — моим личным представителем»¹.

Бесспорно, что за время своей военной и государственной карьеры Дуайт Эйзенхауэр приобрел немалые исторические дивиденды. Будучи в годы второй мировой войны главнокомандующим вооруженными силами союзников в Европе, он сделал немало для разгрома фашистской Германии и ее союзников, полагая, что в первую очередь Германию необходимо вывести из войны и только после этого сосредоточить усилия союзников против милитаристской Японии. Он выступал за соблюдение сроков открытия второго фронта в Европе. В большой степени Эйзенхауэру обязаны мы обретением военно-политического взаимопонимания между западными союзниками и СССР.

Можно по-разному относиться к внутренней и внешней политике Д. Эйзенхауэра. Кандидат в президенты от республиканской партии в 1952 г. был военным героем, популярной личностью среди американских избирателей. У него не было нужды много обещать рабочим или черным избирателям. Политика президента Д. Эйзенхауэра в рабочем и негритянском вопросе не отличалась радикализмом. На президентство Эйзенхауэра (1953—1960) пришелся пик «холодной войны», хотя нельзя забывать, что первые попытки нормализации советско-американских отношений были предприняты в эти годы и при его активном участии.

¹ *Eisenhower D. Mandate for Change. N. Y., 1963. P. 577.*

Встречи на высшем уровне приобрели в наше время подлинные права гражданства, и в первую очередь это относится к советско-американским отношениям. Подчеркну, что первая советско-американская встреча на высшем уровне между Н. С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром произошла в сентябре 1959 г. К сожалению, 30-летний юбилей этой встречи в верхах (в сентябре 1989 г.) прошел незамеченным в СССР и в США.

Ряд внешнеполитических акций Д. Эйзенхауэра ни в коей мере не укладывался в рамки столь широко разрекламированного в 1953 – 1961 гг. американского мирно-любивого внешнеполитического курса. Хотя второй том его мемуаров, посвященный президентским годам, назван «Борясь за мир», такое, например, событие, как подавление революции в Гватемале в 1954 г., при всем желании не занесешь в реестр «мирных» акций. Но вместе с тем президенту Эйзенхауэру нельзя и отказать в реализме, в стремлении найти выход из тупиков «холодной войны».

Действительно, в годы президентства Д. Эйзенхауэра не отмечалось резкого роста военного бюджета США, что позволило СССР провести значительное сокращение вооруженных сил. Эйзенхауэр был крупным военным экспертом, он понимал, что гонка вооружений в век стратегического ядерного оружия не только чревата катастрофическими последствиями, но и самоубийственна для экономики даже самой мощной индустриальной державы мира. Эйзенхауэр с полным основанием утверждал, что нельзя укреплять обороноспособность страны, подрывая ее экономические основы безудержной гонкой вооружений².

Эйзенхауэр немало сделал для окончания войны в Корее и был противником американского военного вмешательства во Вьетнаме. Он выступал за прекращение испытаний атомного и водородного оружия и запрет химического, предложил план «открытого неба», придавал исключительно большое значение «народной дипломатии».

Даже это краткое перечисление внешнеполитических инициатив президента Д. Эйзенхауэра говорит о том, что он намного опередил свое время. Только в наши дни многие идеи Эйзенхауэра начинают реализовываться, в частности, в советско-американских отношениях.

Естественно, что Милтон Эйзенхауэр — самый близкий к нему советник президента — оказывал прямое, непосредственное влияние на все важнейшие внешнеполитические акции. И интервью с ним представляет несомненный интерес для раскрытия далеко не однозначных отношений между СССР и США в годы президентства Дуайта Эйзенхауэра.

Интервью с ним состоялось в ноябре 1975 г. Позади была серия советско-американских соглашений, заключенных в годы президентства Ричарда Никсона, сыгравших столь важную роль в нормализации отношений между СССР и США. Позади был и грандиозный уотергейтский скандал, впервые в истории выбросивший из Белого дома главу исполнительной власти США. Время, отделяющее нас от периода президентства Дуайта Эйзенхауэра, позволило поставить вопросы, определявшие специфику развития советско-американских отношений в те годы.

В рабочем кабинете Милтона Эйзенхауэра, тогда президента Университета Джонса Гопкинса в городе Балтиморе, шла неторопливая, обстоятельная беседа, мы говорили около двух часов. Пожилой, но еще достаточно крепкий хозяин с завидным терпением отвечал на вопросы. В моем архиве сохранились слайды, сделанные после интервью на ступенях университетской парадной лестницы: налицо большое

² Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. Wash., 1953. 1960. P. 12 – 13.

сходство между Милтоном и Дуайтом. Удивило меня и исключительное совпадение тембров, манеры разговора. Это было очевидно, так как незадолго до интервью я прослушал много магнитофонных записей речей Д. Эйзенхауэра в Отделе устной истории в Библиотеке Дуайта Эйзенхауэра в Абилине, штат Канзас. Милтон заметил, что голоса их действительно поразительно похожи, и добавил с усмешкой, что нередко разыгрывал по телефону жену Дуайта Мэми, которая так и не научилась различать голоса братьев. Как в свое время и Дуайт, Милтон был заядлым курильщиком: за время интервью в пепельнице образовалась целая гора окурков.

Конечно, в ходе беседы выявилось не только внешнее сходство между братьями, но и общность их политического мировоззрения. Они были единомышленниками, сотрудничавшими в годы пребывания Дуайта в Белом доме, и это придавало особый смысл нашему разговору.

В беседе с Милтоном Эйзенхауэром, помимо меня, участвовал второй секретарь посольства СССР в США Вадим Кузнецов, он помог мне добраться на его машине из Вашингтона в Балтимор.

Вопросы, за исключением оговоренных, были поставлены мною.

Перевод интервью также мой. Беседа излагается с сокращениями в той части ответов Милтона Эйзенхауэра, которые касаются президентской избирательной кампании, проходившей в то время. Интервью с Милтоном Эйзенхауэром с его разрешения было записано на магнитофонную пленку.

Р. Ф. Иванов.

Р. И. Уважаемый доктор Эйзенхауэр, в первую очередь я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы нашли время встретиться для беседы с нами.

Как я вас уже информировал во время нашего телефонного разговора, цель этой беседы заключается в том, чтобы узнать ваше мнение по ряду вопросов, связанных с президентством вашего брата Дуайта Эйзенхауэра.

С вашего согласия я хотел бы использовать материалы этой беседы в моей книге о жизни и деятельности Дуайта Эйзенхауэра. (Я закончил работу над книгой «Эйзенхауэр. Политическая биография», которая рассчитана на широкий круг читателей.)

Мне хотелось бы задать вам те вопросы, ответы на которые не нашли достаточно полного отражения в довольно обширной литературе, посвященной жизни и деятельности Эйзенхауэра. На мой взгляд, они представляют интерес и касаются в основном различных аспектов советско-американских отношений в годы второй мировой войны, когда ваш брат был главнокомандующим вооруженными силами союзников в Европе. Советского читателя, несомненно, интересует все, что связано с советско-американскими отношениями и в период президентства Дуайта Эйзенхауэра в 1953—1961 гг.

Нет необходимости подчеркивать, что этот интерес отнюдь не отвлеченного исторического характера. Мы в Советском Союзе, так же как и вы, американцы, полностью отдаем себе отчет в том, что советско-американские отношения на современном этапе (как и в годы президентства Эйзенхауэра) являются глобальной проблемой, во многом определяющей важнейшие направления развития мировой политики.

В годы президентства Эйзенхауэра были предприняты первые серьезные попытки нормализации советско-американских отношений. И на мой взгляд, изучение позитивного и негативного опыта их развития в тот период во многом поможет понять их состояние теперь и верно оценить серьезные проблемы, которые продолжают в них существовать сегодня.

Мне хотелось бы отметить в своем выступлении, что в нашей стране проявляют большой интерес к жизни и деятельности Д. Эйзенхауэра. Мы, в частности, помним, что в годы самой страшной войны в истории человечества, второй мировой, Д. Эйзенхауэр, находясь на посту главнокомандующего вооруженными силами союзников, внес большой вклад в разгром нашего общего врага, немецкого фашизма. Мы считаем, что если в годы тяжелых военных испытаний СССР и США смогли быть союзниками и этот союз в целом выдержал испытание временем, то почему мы не можем сегодня в интересах наших стран поддерживать дружеские отношения? Это тем более важно, что не надо быть специалистом в области внешней политики, чтобы понять, сколь велика сегодня роль советско-американских отношений в мировых делах.

Вы, доктор Эйзенхауэр, были самым близким человеком к Дуайту Эйзенхауэру. Как отмечают многие его биографы, никто в годы его президентства не проводил столь много времени с ним, как вы, являясь его ближайшим советником и доверенным лицом. Вначале я хотел бы знать, почему Дуайт Эйзенхауэр, неоднократно отказывавшийся от предложений баллотироваться в президенты США, дал на это согласие в 1952 г.?

М. Э. В первую очередь я хотел бы отметить то, что вам известно: мой брат не хотел баллотироваться в президенты США. Роберт Тафт был более вероятным кандидатом от республиканской партии, чем Эйзенхауэр. Важнейшей побудительной причиной, заставившей Эйзенхауэра баллотироваться в президенты, явилось то, что его избрание на этот пост имело бы важное значение для обеспечения взаимной безопасности. Мой брат вернулся в 1951 г. в США и имел длительную беседу с сенатором Тафтом. Выяснилось, что с Робертом Тафтом у него почти полное совпадение взглядов по вопросам внутренней политики. В то же время беседа показала, что они резко расходятся во мнениях по проблемам обеспечения взаимной безопасности. В результате мой брат пришел к выводу, что, хочет он или не хочет, он должен выставить свою кандидатуру для баллотировки в президенты.

На Национальном конвенте республиканской партии Эйзенхауэр был избран кандидатом в президенты значительным большинством голосов. Во время избирательной кампании 1956 г. это большинство еще увеличилось.

Мой брат был крупным специалистом по военным вопросам, и он был полон решимости добиться сокращения военных расходов. Эйзенхауэр имел намерение смягчить также «холодную войну», которая началась при администрации Трумэна. Эта «холодная война» приняла необычайные масштабы, принесла большой ущерб

обеим сторонам. Но необходимо отметить, что страшная гонка вооружений была развязана во время администрации Дж. Кеннеди. Причиной этой гонки при Кеннеди явился провал попытки вторжения на Кубу. Кеннеди недооценил решимости советского руководства и поэтому пошел на большие затраты в военной области. Эта гонка вооружений, к сожалению, продолжалась, обусловив колоссальные затраты.

Я, естественно, очень надеюсь, что будет наконец достигнут прогресс в области разрядки международной напряженности.

Эйзенхауэр, несомненно, как-то пытался ослабить напряженность, вызывавшуюся «холодной войной». Не забывайте и о том, что в годы второй мировой войны он лично знал целый ряд руководящих лиц в различных странах мира. Я думаю, что они доверяли ему, а он доверял им. Он всегда имел возможность либо поговорить по телефону, либо написать письмо, либо лично встретиться с ними. Поэтому Эйзенхауэр мог добиться, и он действительно добился, определенного прогресса в решении международных проблем.

Р. И. Доктор Эйзенхауэр, в работах, посвященных жизни и деятельности Дуайта Эйзенхауэра, много внимания уделяется его личности. Подчеркивается его умение располагать к себе людей, что положительно влияло на ход избирательных кампаний. Каково, на ваш взгляд, было соотношение между этим субъективным фактором и внутри- и внешнеполитическими программами, которые Эйзенхауэр предлагал избирателям? Как, по-вашему, президент Эйзенхауэр относился к разоружению, к военным расходам? Что помогало ему находить общий язык с конгрессом, большинство в котором в течение шести из восьми лет его президентства принадлежало демократам?

М. Э. Американские избиратели знали, что Эйзенхауэр честный человек, что ему можно верить, что он действует не в интересах какой-то одной группы, а в интересах нации. Он был необычайно обаятельным человеком, но главное — люди ему верили. Это то, чего не хватало администрации Никсона и что необходимо вновь завоевать республиканцам. Законодатели США независимо от своей партийной принадлежности доверяли Эйзенхауэру.

Есть много недоразумений в оценке администрации Эйзенхауэра. Иногда люди не учитывают, что страна в тот период переживала настоящую социальную революцию. Происходили новые, невиданные ранее события, и это сопровождалось большими трудностями.

Ф. Д. Рузвельт был очень плохим администратором. Его даже не интересовало управление страной. Рузвельта увлекали новые идеи, и он искал пути претворения их в жизнь, но не преуспел в решении этих вопросов на административном поприще. Когда мой брат стал президентом, он обнаружил поразительную неэффективность государственного аппарата, неумение должностных лиц работать. Много внимания он уделял его реорганизации, чтобы налогоплательщики убедились, что их деньги не выбрасывают на ветер.

Совершенно неверно представление о том, что Эйзенхауэр забросил проблемы обороны. Четыре главы книги об Эйзенхауэре я посвятил этим проблемам, из-за которых возникло особенно много недоразумений, в том числе по вопросу о его отношении к Советскому Союзу. Эйзенхауэр выигрывает при сравнении его деятельности с деятельностью администраций Кеннеди и Л. Джонсона, которые постоянно повторяли: я дал указание государственному секретарю, я дал указание министру обороны.

На основании своего опыта в качестве главнокомандующего вооруженными силами союзников в Европе во время второй мировой войны Эйзенхауэр пришел к выводу, что необходимо добиваться согласия между людьми, придерживающимися различных мнений. Приходя к взаимному согласию, они работают лучше, они не только совместно решают проблемы, но трудятся с энтузиазмом. Может быть, он был вынужден прибегнуть к этому методу, но я хотел бы подчеркнуть, что его он освоил легко. За шесть лет президентства Эйзенхауэр имел дело с конгрессом, в котором руководили демократы, а сам он был республиканцем. Мой брат не смог бы реализовать свои программы, если бы не нашел общего языка с руководителями демократического большинства конгресса.

Он боролся за реализацию своих программ, и показательно, что из 168 вето, которые Эйзенхауэр наложил на законопроекты конгресса, только два были отклонены двумя третями голосов. Порядок принятия наших законопроектов ведет к большой путанице. Они затрагивают интересы людей, проживающих в разных районах, и многие заинтересованы в прохождении таких законопроектов; тем более показательно, что только в двух случаях вето Эйзенхауэра было отклонено.

Р. Ф. Доктор Эйзенхауэр, в работах о президенте Эйзенхауэре много говорится о вашей роли как советника президента. Ваши впечатления от совместной работы с Эйзенхауэром?

М. Э. Меня увлекал тот период, я очень интересовался всем, что происходило тогда. Мне пришлось быть послом США в Южной Америке и конфиденциальным советником Эйзенхауэра. Я всегда был близок к нему, за исключением того времени, когда находился за границей. Я хорошо знаю, какие колоссальные изменения произошли в наших отношениях с Латинской Америкой. Иногда бывает трудно получить признание собственных достижений. Взять, например, все американское законодательство для Латинской Америки. Основы Союза ради прогресса были заложены еще во время президентства Эйзенхауэра. Все, что сделал Кеннеди, — это лишь новый ярлык на этом законодательстве.

Дин Раск, будучи государственным секретарем в последующие годы, в интервью «Нью-Йорк таймс» подчеркнул, что во внешней политике США всегда есть значительный элемент преемственности. Эйзенхауэр заложил основы Союза ради прогресса, а Кеннеди приукрасил этот союз, и все восприняли его как творчество Кеннеди.

Я хочу отметить, что главная задача Эйзенхауэра заключалась в том, чтобы превратить государственный аппарат, эту колоссальную машину, в эффективный орган. В то же время это был период, когда инициатива проявлялась и во внешней политике.

Р. И. Доктор Эйзенхауэр, вы прекрасно понимаете, что для советского читателя исключительную важность представляют позитивные и негативные уроки советско-американских отношений в период президентства Эйзенхауэра. Интерес к данной проблеме возрастает в связи с разрядкой и теми серьезными сдвигами, которые происходят в этой области на современном этапе. Какого мнения придерживался Эйзенхауэр о Советском Союзе, о взаимоотношениях между нашими странами?

М. Э. В период его первой избирательной кампании, еще до того как Эйзенхауэр был избран президентом, я летел с ним из Бостона в Нью-Йорк. Эйзенхауэр говорил о том, что готовит большую речь, посвященную вопросам экологической политики, которая потом передавалась телевидением по всей стране. Обсуждая в самолете предстоящее выступление, Эйзенхауэр сказал мне, что хочет вставить в эту речь абзац о своем новом подходе к Советскому Союзу. Брат говорил, что надо разворачивать торговлю с Советским Союзом, потому что она даст толчок развитию в других областях.

Я выразил сомнения на этот счет, сказав Эйзенхауэру, что на эту тему в Соединенных Штатах существуют очень сильные предубеждения. Я подчеркнул, что данному вопросу он должен посвятить специальную речь, чтобы американский народ смог в нем разобраться. И добавил, что если он ограничится только абзацем, это может повредить ему, так как избиратели не поймут того, что он хотел сообщить.

Однажды вечером, уже после выборов, сидя на втором этаже Белого дома, Эйзенхауэр спросил меня: «Не считаешь ли ты, что следовало бы послать 15 тыс. американских студентов учиться в университетах Советского Союза?» Он попросил секретаря вызвать к телефону государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса. Это происходило в то время, когда велись переговоры об обмене научными сотрудниками с Советским Союзом. Даллес предостерег Эйзенхауэра: «Пожалуйста, не называйте этой потрясающей цифры — 15 тыс., пока мы не закончим переговоры о подписании соответствующего соглашения с СССР».

Я привожу этот эпизод для того, чтобы проиллюстрировать вам тот факт, что советско-американские отношения всегда стояли для Эйзенхауэра во главе угла.

Р. И. В настоящее время, когда в США идет оживленная дискуссия по вопросу о разрядке, в частности о том, соответствует ли этот политический курс национальным интересам США, нередко ссылаются на авторитетное мнение Дуайта Эйзенхауэра о так называемой военной опасности для США, исходящей от Советского Союза. Ваше мнение по этому поводу?

М. Э. Ни разу в жизни я не слышал от Эйзенхауэра мнения или

опасения, что Советский Союз может напасть на США. Лично я также считаю, что такие опасения беспочвенны. Более того, я полагаю, что ни одна держава не может контролировать мир во всем его разнообразии, мир, который раздирается ожесточенным национализмом.

Р. И. Действительно, во многих личных письмах Дуайта Эйзенхауэра, открытых за последнее время для исследователей, данная проблема освещается в плоскости, только что изложенной вами. И дополнительные детали, сообщаемые вами, представляют несомненный интерес для советского читателя.

М. Э. Я и Дуайт Эйзенхауэр никогда не расходились во мнениях ни по одному серьезному вопросу. Я уже сказал, что я никогда не верил в возможность нападения Советского Союза на США. Никогда не верил в это и мой брат. Он считал, что Советский Союз в первую очередь всегда был озабочен организацией собственной обороны. Учитывая трагическую русскую историю, Эйзенхауэр мог понять, почему СССР хотел иметь на своих границах дружественные государства. Из этого, конечно не вытекает, что Эйзенхауэр одобрял те методы, которыми эти восточноевропейские страны были привязаны к Советскому Союзу. Он предпочел бы, чтобы эти народы имели возможность свободного выбора. Но и он, и я отдавали себе отчет в том, что Советский Союз был заинтересован главным образом в собственной безопасности.

Во время долгих поездок по Советскому Союзу я встречался с самыми разнообразными людьми, занимавшими различное положение, и я убежден, что в основе своей и советские, и американские люди очень похожи. И там, и здесь люди стремятся к спокойной жизни, к миру, к тому, чтобы больше времени проводить семьями и жить хотя бы немного лучше.

Р. И. Доктор Эйзенхауэр, я хотел бы задать вам очень важный для нас вопрос. Я понимаю, что это деликатная проблема. Но все же, что вы можете сказать о полетах американских разведывательных самолетов У-2 над территорией СССР во время президентства Эйзенхауэра? Отношение Эйзенхауэра к этой проблеме?

М. Э. За несколько месяцев до инцидента с Ф. Г. Пауэрсом Эйзенхауэр говорил, что разведывательные полеты самолетов У-2 над территорией СССР необходимо прекратить. Но заинтересованные государственные учреждения считали, что эти полеты не должны прекращаться, и Эйзенхауэр не принял никаких мер, чтобы их запретить. Когда У-2 был сбит, было немедленно опубликовано официальное заявление, маскирующее подлинную цель полета. Эйзенхауэр не был ознакомлен с этой заранее подготовленной версией. Когда он понял все, он, может быть, сделал ошибку, взяв лично на себя ответственность за этот полет. Я указал ему, что, возможно, он сделал неверный шаг, взяв всю ответственность на себя. Он ответил: «А ты хочешь, чтобы я нашел козла отпущения?»

Вы, конечно, знаете, что Хрущев давно знал об этих полетах. Для нас это урок. И хотя мы в США живем в так называемом

открытом обществе, американская общественность не знала, что делалось в секретных сферах. Мы были заинтересованы в организации своей обороны так же, как и вы, а для нас было важно знать, что у вас происходит. Тогда мы получали информацию с помощью У-2, теперь мы ее получаем с помощью спутников.

Р. И. В годы второй мировой войны СССР и США были союзниками. Вооруженные силы Советского Союза и Соединенных Штатов сражались против общего врага. Интересно знать мнение Дуайта Эйзенхауэра и как главнокомандующего вооруженными силами союзников в годы второй мировой войны, и как президента США о советских людях, о советских солдатах в частности.

М. Э. Эйзенхауэр был в Советском Союзе только раз, сразу после войны. Ему в Москве дали тогда одну из высших советских наград. Я думаю, что правильнее было бы сказать, что у него не было возможности познакомиться с русскими людьми, возможности, которую сегодня имеют многие. Но в той степени, в которой Эйзенхауэр знал отдельных русских людей, о тех, с кем он встречался, его мнения не расходились с моими. Они хотели вести нормальную жизнь, быть свободными от страха, повышать свое благосостояние. И в то время, и сегодня на гонку вооружений затрачиваются колоссальные ресурсы. Если бы мой брат был жив, он согласился бы со мной, что США и СССР должны взаимно сокращать расходы на стратегическое вооружение.

Р. И. Скажите, пожалуйста, каково было отношение Дуайта Эйзенхауэра к маршалу Г. К. Жукову.

М. Э. Встреча Дуайта Эйзенхауэра с маршалом Жуковым после окончания войны была исключительно дружественной, сердечной. Жуков попросил Эйзенхауэра объяснить ему, в чем суть американского мировоззрения. Эйзенхауэр начал ему рассказывать всю американскую историю с самого начала, с войны за независимость.

Жуков на это сказал: «Я понимаю, о чем Вы говорите, но мне все-таки не ясно, почему Вы это говорите, почему Вы верите во все это. Ведь у вас каждый выступает сам за себя, каждый стремится улучшить свою личную жизнь. Какое же значение имеют все эти абстрактные принципы?» Эйзенхауэр ответил Жукову, что Декларация независимости, Конституция — это основа американских воззрений на жизнь. Цель американских учреждений, то, как они у нас создавались, заключалась в том, чтобы сохранить независимость человеческой личности, защитить ее от произвола.

Жуков в ответ на это рассмеялся и сказал, что он сдается. Разговор на этом прекратился.

Был период в вашей жизни, когда Жуков находился не в очень большом фаворе, он исчезал с горизонта. Мой брат отдавал себе отчет в том, что это особенности вашего общества, но я должен сказать, что он всегда восхищался Жуковым.

Р. И. Ваша информация об отношении Дуайта Эйзенхауэра к маршалу Жукову исключительно интересна для советских людей, особенно для ветеранов войны. Эта часть нашей беседы очень ин-

интересна и лично для меня как участника войны. Я хотел бы посвятить свою книгу о Дуайте Эйзенхауэре памяти участников войны, отдавших свои жизни в борьбе с фашизмом. В частности, памяти моего брата, офицера, командира пулеметного взвода, который погиб на фронте, когда ему было 18 лет. То, что мы понесли огромные людские потери в годы второй мировой войны, ощущают миллионы семей в нашей стране.

Однажды в конце второго срока президентства Эйзенхауэра, ему был задан вопрос: «Чем вы недовольны как президент? Каким аспектом своей деятельности вы не удовлетворены?» Эйзенхауэр ответил, что у него вызывает огорчение тот факт, что он не многое успел сделать в интересах укрепления мира.

В актив Эйзенхауэра как президента следует записать и прекращение войны в Корее. Известно, что Эйзенхауэр проявлял определенный политический реализм в вопросе о войне в Индокитае. Между прочим, вам, очевидно, хорошо известна книга Роберта Donovan «Интимный рассказ». На днях, прочитав эту книгу, я обратил внимание на интересную деталь. Взгляните, пожалуйста, на этот отрывок из книги Donovan. (В предложенном отрывке говорилось: Эйзенхауэр предупреждал о том, что небольшая группа американских военных советников, посланная во Вьетнам, может втянуть США в тяжелую, длительную и бесперспективную войну в этом регионе.)

Доктор Эйзенхауэр, каково было отношение Вашего брата к войне в Индокитае?

М. Э. Президент Эйзенхауэр был категорически против участия США в Женевских переговорах. Он всегда считал, что американское вмешательство в дела Индокитая необоснованно, что французы не могут выиграть войну в Индокитае, что там были напрасно принесены большие жертвы. Эйзенхауэр неоднократно и публично заявлял, что США не будут вмешиваться в войну в Индокитае. В беседах с Даллесом и с руководителями сенатской комиссии по иностранным делам Эйзенхауэр заявлял то же самое.

Много позже Линдон Джонсон говорил, что в Юго-Восточной Азии он продолжает политику президентов Трумэна, Эйзенхауэра и Кеннеди. Однажды, когда Джонсон выступил с таким заявлением, я сказал ему: «Простите, господин президент, разрешите мне вас поправить». И я ему описал тот ранний период, рассказывая эпизод за эпизодом, что и как происходило день за днем. Удивленный Джонсон сказал мне: «Я принимаю факты такими, как вы их излагаете, но уже поздно. Мы уже ввязались в эту войну». Я ему ответил, что быть в состоянии войны — это не совсем одно и то же, что ввязаться в войну. И добавил: «Раз уж вы начали применять силу, сила начинает управлять вами».

Р. И. Многие авторы пишут о консерватизме Эйзенхауэра в одних вопросах и его либеральном подходе в решении других. В частности, этим вопросам уделил много внимания Стэфен Эмброуз. Ваше отношение к этой проблеме?

М. Э. Я не могу утверждать, что всегда и во всем соглашался

с братом. Но мы всегда были едины в отношении к важнейшим проблемам, мы никогда не ссорились, не спорили, у нас была единая философия. Мы были оба консерваторами, когда дело касалось вопросов бюджета и государственных расходов. Я, пожалуй, могу считать себя либералом, когда дело касается общечеловеческих проблем. Но я полагаю, что, болея душой за человечество, мы в то же время не должны пренебрегать интересами нашего общества, ибо, если будем расходовать больше, чем следует, мы его разрушим.

Р. И. Доктор Эйзенхауэр, каково ваше мнение о Шермане Адамсе?

М. Э. Шерман Адамс был необычайно деятельным человеком. Он не пользовался особой популярностью, но умел подбирать материалы для президента так, чтобы в них легко было разобраться. Он выглядел аскетическим, суровым человеком. В этом заключалась главная причина его непопулярности. Мой брат был очень расстроен, когда всплыла на поверхность история со взятками, которые брал Адамс. Это нарушало основные принципы администрации.

Р. И. В связи с вашей оценкой деятельности Адамса и тех неприятностей, с которыми связано его пребывание в Белом доме, напрашивается вопрос о Ричарде Никсоне. Считаете ли Вы, что Никсон не извлек уроков из своего пребывания на посту вице-президента? Я имею в виду, в частности, вопрос о коррупции, всплывший в 1952 г. Ваше мнение о Никсоне и об отношении к нему Эйзенхауэра?

М. Э. Я говорил ранее, что и я и Дуайт никогда не расходились в своих оценках. Это не совсем так: мы по-разному оценивали Никсона. В течение восьми лет пребывания в Белом доме мой брат давал ему много ответственных поручений и заданий. Никсон налетал более 60 тыс. миль, выполняя эти задания президента. Никсон вел себя всегда корректно. Когда у моего брата произошел сердечный приступ, то другой бы на месте Никсона воспользовался этим, чтобы расширить свою власть. Никсон же не сделал этого. Поэтому я могу понять, почему мой брат относился к нему с большой симпатией. Я тоже хорошо знал вице-президента Никсона. Он бывал у меня дома, я бывал у него. Мы много раз вместе путешествовали, и у меня всегда было ощущение, что Никсон не обладает устойчивым мировоззрением, которое могло бы определять его поведение.

Я считаю, что у руководства нашей страны и других стран должно быть устойчивое мировоззрение, которое помогало бы им принимать решения. Никсон его не имел, но я не подозревал, что у него могли быть дефекты еще и морального плана. События, однако, показали, что это его существенный недостаток. Он лгал американскому народу целый год по поводу уотергейтского скандала. Более нравственный человек не мог бы так себя вести. Но восхищение моего брата Никсоном остается фактом. И я рад, что Эйзенхауэр мертв и ему не пришлось быть свидетелем того,

что произошло с Никсоном. Будь Эйзенхауэр жив, вся эта история убила бы его.

Р. И. Я только что закончил работу над бумагами Джона Ф. Даллеса в архиве Принстонского университета. В них освещается его деятельность в правительстве Эйзенхауэра. В связи с интересными фактами, которые отражают эти документы, возникает ряд вопросов, касающихся его роли в администрации Эйзенхауэра. Вы много лет работали с Даллесом, неоднократно встречались с ним. Ваше мнение о Даллесе?

М. Э. Я регулярно встречался с Даллесом. Как посол в Южной Америке, я часто бывал личным представителем президента США за границей. Я взял за правило после возвращения в страну докладывать все непосредственно Даллесу и не ходить до этого к президенту. Если бы я поступал иначе, я мог бы нарушить взаимоотношения между президентом и государственным секретарем, т. е. успешное функционирование государственного руководства. Даллес был хорошим человеком. Американская пресса многое искажала, когда речь шла о Даллесе. Утверждалось, в частности, что он монополизировал руководство внешней политикой США.

Даллес был очень преданным сотрудником президента. Он работал много и упорно, всегда честно высказывал президенту свое мнение. Но решения всегда, во всех случаях, принимал лично президент. Я считаю, что как государственный секретарь Даллес был подготовлен к исполнению своих обязанностей не хуже, чем любой другой на этом посту за всю историю США.

Некоторые выражения, которые употреблял Даллес, были не совсем удачны. В частности, это касается его известной формулировки о балансировании на грани войны, за которую его резко порицали. В целом он был очень верным, необычайно умным человеком, обладал колоссальной работоспособностью.

Р. И. Скажите, пожалуйста, вы и ваш брат были против баллотировки Эйзенхауэра на второй срок только из-за состояния его здоровья?

М. Э. Да. Эйзенхауэр перенес инфаркт. Сказалась напряженная работа в годы войны, нервные и физические перегрузки во время пребывания на посту президента. И мы твердо решили, что Айк не должен больше брать на себя никаких обязательств. Улучшение его здоровья позволило пересмотреть эту точку зрения.

В. К. Какое влияние на деятельность Эйзенхауэра как президента оказал тот факт, что он был профессиональным военным?

М. Э. Будучи на военной службе, Эйзенхауэр хорошо знал и ценил историю. Он мыслил не военными категориями, а думал о человечестве в целом. Эйзенхауэр обладал необычайно сильным логическим мышлением. И когда он приходил к какому-либо решению путем логических заключений, ничто не могло заставить его пересмотреть принятое решение. Поэтому когда он стал президентом, ему не пришлось сильно перестраиваться. Почти все для него оставалось таким, как во времена его военной службы, с той

только разницей, что теперь ему приходилось принимать решения не по военным вопросам.

Одна из первых его задач — реформирование республиканской партии. В течение 20 лет она была в оппозиции и привыкла вести себя как оппозиционная сила. На протяжении первых двух лет своего президентства Эйзенхауэр имел дело с конгрессом, в котором большинство принадлежало республиканцам. Но республиканцы-конгрессмены доставляли Эйзенхауэру не меньше беспокойства, чем демократы, если не больше. Затем демократы получили большинство в обеих палатах конгресса, а Эйзенхауэр одновременно был избран на новый срок колоссальным большинством голосов. Это, в частности, показатель того, что американский народ не испытывает особой лояльности к своим партиям.

Эйзенхауэр уделял большое внимание работе с молодыми республиканцами. Он устраивал для них приемы, предлагал им представлять свои кандидатуры для баллотирования в конгресс.

Р. И. Второй срок пребывания Эйзенхауэра на посту президента США — важный период его политической карьеры. В связи с этим не могли бы вы еще раз вернуться к обстоятельствам, связанным с выдвижением Эйзенхауэра кандидатом в президенты США на второй срок?

М. Э. Дуайт Эйзенхауэр считал, что он должен баллотироваться в президенты США на второй срок, чтобы закрепить свой авторитет, завоеванный в годы второй мировой войны. Вместе с тем он высказывался и в том плане, что он выполнил свой долг перед страной, будучи президентом США в течение четырех лет, и что ему не следует брать на себя новых обязательств. В конечном счете брат принял решение баллотироваться вновь, так как хотел внести максимальный вклад в дело мира. Эйзенхауэр лично знал многих руководителей других стран и считал, что благодаря этому ему удастся больше, чем кому-либо другому, добиться успеха в укреплении мира.

Эйзенхауэр предупреждал своих сотрудников о том, чтобы они не ожидали от него активных действий и в избирательной кампании, потому что по состоянию здоровья не может перенапрягаться.

Он являлся профессиональным военным, но отнюдь не типичным. Он никогда не превращался в узкого военного специалиста.

Избирательная кампания в США — сложное явление. Самая большая партия в стране — демократическая. Независимые избиратели занимают по численности второе место. Республиканцев всего около 15 млн человек. И если республиканец хочет быть избранным, он должен получить голоса и независимых, и демократов. В штате Миссисипи республиканца чуть-чуть не избрали губернатором. Партии не играют в США столь большой роли, как в других странах. Демократическая партия отнюдь не монолитна, в частности, существуют значительные различия между демократами Севера и Юга.

Я помог брату провести серию встреч с молодыми республиканскими руководителями местного масштаба. С ними велись длитель-

ные переговоры, им предлагали активизироваться, выставлять свои кандидатуры на выборные посты. Мы добились в этом плане большого, хотя и не полного успеха. Поэтому неправильно считать, что Эйзенхауэр вообще не принимал мер по укреплению республиканской партии.

Р. И. Ваше мнение о Н. С. Хрущеве?

М. Э. Председатель Хрущев был очень хитрый человек, он знал, чего хотел. Я провел у него на даче несколько часов и имел с ним за ланчем разговор. Хрущев внес свой вклад в дело мира. Он дал понять человечеству, что военная мощь, которой обладаете и вы, и мы, — чрезвычайно опасная сила.

Хрущев внес в политический оборот термин «мирное сосуществование». Он импонировал мне, несмотря на то что у нас были разные взгляды на вопросы государственного устройства и управления. Хрущев был гостем моего брата в США, но, к сожалению, эпизод с X-2 не дал возможности Эйзенхауэру посетить СССР с ответным визитом, а президент очень хотел побывать в Советском Союзе.

Р. И. Доктор Эйзенхауэр, что, на ваш взгляд, было слабостью Дуайта Эйзенхауэра как президента? Каковы, по вашему мнению, недостатки в его правлении?

М. Э. Единственное, что я могу сказать, — это то, что Эйзенхауэр был необычайно лоялен к своим помощникам. Он всегда старался прийти к ним на помощь, когда речь шла об общественной оценке их деятельности. Но это не всегда ему удавалось. Когда однажды Эйзенхауэр представил на рассмотрение конгресса федеральный бюджет, Хэмфри, министр финансов его правительства, публично подверг этот бюджет резкой критике. Большинство президентов в этой ситуации потребовали бы отставки министра. Но Эйзенхауэр уважал Хэмфри, доверял ему и не пошел на то, чтобы уволить министра.

Такая необычная преданность своим сотрудникам была слабостью Эйзенхауэра. К Никсону он также был необычайно лоялен. Президент настолько ценил Никсона, что не замечал его недостатков. Это было естественно для Эйзенхауэра, власть не испортила его. Дуайт Эйзенхауэр был образованным и абсолютно честным человеком, но некоторые считают, что честность — это одно из проявлений слабости.